

Юбилей Гнесинки – прекрасный повод заявить о вузе

Александр Рыжинский: от студента до ректора

Искусство / Искусство / Персона

[Залесская Мария](#)

Профессор, доктор искусствоведения, выдающийся хормейстер, лауреат Премии Правительства РФ. Ректор Российской академии музыки имени Гнесиных – самый молодой за всю её 125-летнюю историю – Александр Сергеевич Рыжинский побеседовал с обозревателем «ЛГ» Марией Залесской и признался перед началом разговора, что очень любит нашу газету. И не только потому, что её главный редактор Максим Замшев окончил Гнесинское училище.

– В стенах Российской академии музыки им. Гнесиных вы прошли путь от студента до ректора. Вы совсем недавно встали во главе такого знаменитого учебного заведения. Спрошу прямо: не страшно было? Какие чувства испытывали?

– Если говорить именно о чувствах, то в первую очередь глубокое волнение и ощущение той ответственности, которая ложится на плечи сразу после понимания того, кому на смену ты пришёл, какому ряду гигантов, занимающих эту должность, начиная от основательницы Елены Фабиановны Гнесиной. Сразу задаёшься вопросом: а какое отношение к этому ряду имеешь ты? Поэтому был скорее не столько страх, сколько желание непременно оказаться достойным такой когорты. Не боязнь, но понимание, что будет совсем не просто.

– Юбилейные торжества, связанные с 125-летием Академии, – практически первое, с чем вам пришлось столкнуться на посту ректора. И сразу такая мобилизация творческих сил.

– Конечно же! Даже не просто мобилизация, а, я бы сказал, подарок для меня, возможность в максимальной степени развернуться в творческом плане именно в этот год. Дата уж больно красивая! Хотелось, чтобы само существование Гнесинского вуза в системе российской культуры получило новый акцент, чтобы слово «Гнесинка», которое и так ассоциируется с музыкой, приобрело дополнительную конкретику. Ведь мы всегда делали и делаем на самом деле много, и об этом следует как можно больше рассказывать. Сегодня существуют системы рейтингов, оценка эффективности учебных заведений. Ныне просто необходимо быть, в хорошем смысле слова, нескромным – чтобы о нас знали! Знали, на что мы способны! А мы готовы поделиться своим опытом с другими. Юбилей – прекрасный повод проанализировать ещё раз свои достижения и заявить о себе.

– Не секрет, что современное образование во всех сферах лихорадит. Что именно вас устраивает или не устраивает в системе нынешнего музыкального образования? Что бы вы хотели изменить или, наоборот, охранить от скоропалительных реформ?

– Последние пять лет я непосредственно занимаюсь вопросами профессионального музыкального образования и образования в сфере искусства и культуры в целом. Есть, конечно, нюансы, которые нас всех беспокоят. Вернее, не нюансы, а вопросы. Это вопросы, связанные со стандартизацией образования, с выходом нормативных документов, которые регулируют

образовательный процесс. Очень часто не учитывается наша специфика. Мы ведь, люди искусства, действительно особенные. И слава Богу, что на этапе подготовки 273-го федерального закона «Об образовании в РФ» нам удалось в специальной 83-й статье («Особенности реализации образовательных программ в области искусств». – М.З.) это закрепить. Но вот то, что сегодня по-настоящему не нравится, так это очень долгий путь рассмотрения вопросов, связанных с различными изменениями в стандартизации учебной сферы. Ведь документы, прежде чем быть принятыми, долго обсуждаются. Наш слабый голос редко кто слышит. Вот, к примеру, мы готовим прекрасных профессионалов, специалистов, известных по всему миру. А проблема в том, что у нас нет... стадиона! Почему возник обязательный стадион в рамках музыкального вуза? Мы не понимаем. Но он возник – с полосой для бега с препятствиями! И теперь, уже фигурально выражаясь, этот бег с препятствиями – наш общий бег. Вот уже три года мы ничего не можем с этим сделать: получается, что из-за отсутствия стадиона оценка эффективности нашего вуза страдает. Получается, что работа Гнесинки зависит от того, есть у нас стадион или нет! При этом занятия физкультурой у нас проходят, есть спортзал, есть возможность посещать бассейн. В Москве вообще всего два стадиона, которые принимают у себя учебные организации. Вот вам странный, почти чёрный юмор. И это не единичный пример. Так что если говорить о пожеланиях к вышестоящим инстанциям, то хотелось бы, чтобы время на рассмотрение объективно необходимых изменений в стандартах всё-таки не занимало три-четыре года.

– Но это, как говорится, взгляд сверху. А если коснуться непосредственно студентов: сегодняшняя творческая молодёжь принципиально отличается чем-нибудь от студентов вашего поколения, за исключением обилия электроники и гаджетов?

– Можно сказать, и да, и нет. Есть сходство безусловное. Студенту во все времена необходимо искать своё место в жизни, нужно думать о будущем, о работе, о семье. Это то, что объединяет все поколения. А что меняется? Само мировосприятие, благодаря принципиальному изменению сегодня ситуации с информацией. Нынешний студент не столько ждёт, к примеру, лекций или семинаров, сколько выхода на новые форматы общения, потому что та же информация теперь не сосредоточена в руках педагога. В руках педагога сосредоточено мастерство, которое он готов передать. Это вопросы интерпретации, вопросы индивидуальных занятий. А мы говорим про исторический курс, про курс по эстетике, по философии и т.д. Такие курсы, мне кажется, нуждаются в изменении самого формата подачи материала, в том числе и выход на частично электронное обучение, возможность знакомства с онлайн-курсами, принадлежащими не только нашей академии, но и другим вузам. Короче – нужны всевозможные выходы в Сеть. Раньше мы сами по желанию бегали, скажем, в Московскую консерваторию и слушали лекции отдельных профессоров. Сегодня студент может совершенно официально учиться в одном вузе и посещать определённые лекции в другом. Я только за такое развитие образования, за интересный и взаимовыгодный обмен между вузами. А также за максимальное внедрение электронных услуг. Ведь даже если говорить о таких бытовых проблемах, как стояние в очереди за ключом от класса, чтобы позаниматься, то и здесь подача заявки через гаджет, с помощью электронной системы, которую мы планируем внедрить в течение года, значительно облегчает жизнь. Кстати, это идея самих студентов. Так что современные студенты более мобильны и заинтересованы в инновациях.

– Обратимся непосредственно к вашей профессии – хорового дирижёра. Александр Александрович Юрлов говорил: «У нас должно быть столько хоров, сколько мы выпускаем дирижёров». Сталкиваетесь ли вы с проблемой востребованности ваших выпускников, с проблемой их трудоустройства?

– Объективно нет. Конечно, в идеале было бы замечательно, если бы у нас было столько же хороших коллективов, сколько мы выпускаем дирижёров. Естественно, так не получается. Однако хоровой дирижёр – это не только дирижёр. Это музыкант, который способен выполнять самые различные функции. Он может стать квалифицированным певцом одного из государственных коллективов. Понятно, что большинство певцов этих коллективов как раз не вокалисты, а хоровики, которые буквально с детства привыкли работать в ансамбле, хорошо читают с листа и способны справиться с теми задачами, что сегодня ставятся перед хорами. Они могут пойти преподавать и в музыкальные учебные заведения, начиная, собственно, с руководителя учебного хора – младшего, среднего или старшего, – а заканчивая педагогом по сольфеджио. Сколько я знаю таких буквально выдающихся преподавателей! А могут и преподавать фортепиано. У нас

уникальная специальность! Мы должны профессионально владеть и навыками музыканта-теоретика, и навыками пианиста, и вокалиста, и дирижёра. Поэтому, как правило, все хоровики, которые выпускаются нашим вузом и желают остаться в профессии, находят своё место в музыке.

– Продолжим личные вопросы. Общеизвестен ваш глубокий интерес к музыке Арнольда Шёнберга. Чем так зацепил вас автор «Лунного Пьеро»?

– Я бы расширил вопрос до проблемы авангарда в целом. Шёнберг – это композитор, который буквально взорвал представления о возможностях не только оркестровой, но и фортепианной, и вокальной музыки. Но что для меня важно, в первую очередь, – он невероятно расширил границы хоровой музыки. Я часто в своих открытых лекциях, с которыми выезжаю в различные регионы, говорю о связи между Шёнбергом, композиторами второго авангарда, послевоенного, «дармштадтцами» (имеются в виду композиторы так называемой Дармштадтской школы, которых объединяло участие в Международных летних курсах новой музыки («Internationale Ferienkurse für Neue Musik») в Дармштадте, начиная с 1946 года; основными представителями являются Карлхайнц Штокхаузен, Луиджи Ноно, Пьер Булез, Бруно Мадерна, Лучано Берлио, Анри Пуссёр. – **М.З.**) и, собственно, теми, кто идёт сегодня за ними следом. Есть эта непосредственная взаимосвязь между первым авангардом с его эволюционным духом, желанием эксперимента и теми, кто потом использует результаты этих экспериментов как уже устоявшиеся нормы. И поэтому хоровая музыка в XIX веке и хоровая музыка в XX веке – это как наука в XIX веке и наука в XX. Существенное отличие! Мне интересна современная музыка особым отношением к фактуре, особым отношением к тембрам, да и вообще приоритетным отношением к этим областям, которые раньше были, так сказать, «областями по умолчанию». Это не значит, что я не люблю Шумана или, скажем, Мендельсона. Но мне, как исполнителю, сегодня больше интересна та музыка, которая имеет максимум возможностей для фактурной и тембровой презентации.

– Но бытует мнение, что современная музыка и классическая в широком смысле этого слова противопоставляются друг другу. Вы этого противопоставления никак не разделяете?

– Я скорее сторонник таких оксюморонов, как «классика авангарда». На сегодняшний момент относиться к той же музыке Шёнберга как к музыке авангарда – это вопрос в большей мере исторический. Тем более, как мы знаем, изначально музыка Шёнберга не называлась музыкой авангардной. Это уже постфактум, после войны, стали разделять довоенный авангард и послевоенный. Но даже если и это не брать во внимание, мы понимаем, когда сегодня слушаем шёнберговские «Песни Гурре» или мужские хоры опус 35, что это замечательная постромантическая традиция! Я помню, как Геннадий Николаевич Рождественский, представляя на одном из своих концертов музыку Шёнберга совместно с музыкой Гайдна и Моцарта, сказал: «Сегодня у нас будет концерт старинной музыки». Т.е. Шёнберга тоже можно именовать мастером «старинной», той самой классической музыки, которую мы привыкли так называть. Поэтому противопоставление современности и классики далеко не всегда оправданно. Авангард – это ведь понятие не только историческое, оно связано с определённым комплексом идей, в первую очередь технических. Если постараться в двух словах описать, что же такое авангард, то это максимальное стремление к обновлению. Но всё новое постепенно становится общепринятым. Я вспоминаю, как мне зачитывали мои учителя отзывы современников о творчестве Гийома де Машо (1300–1377; французский композитор и поэт. – **М.З.**). Так вот, это можно фактически без изменений транспонировать на творчество, к примеру, Антона Веберна (1883–1945; австрийский композитор, один из основателей Новой венской школы. – **М.З.**). И мы понимаем, что во все времена были свои двигатели искусства, которые, к сожалению или к счастью, не воспринимались современниками бесспорно, но именно через таких личностей мы сегодня познаём их эпоху. А время всё расставляет по местам.

– В 2010 году вы создали совершенно уникальный хоровой коллектив «Altro coro». Это настоящее явление в нашей культуре. Расскажите поподробнее о нём.

– 2020 год у нас юбилейный – и год академии, и десятилетие нашего коллектива. У нас будет большой концерт 9 декабря. Мы представим и то, что у нас уже звучало, и новую музыку. Докажем наглядно, что само название наше не случайно – «Altro coro» буквально «Другой хор». Это хор, который нацелен на другую музыку, на музыку, которая сегодня в меньшей степени востребована,

практически не исполняется, возможно потому, что её просто пока ещё плохо знают. И моя первая задача являлась просветительской: знакомить публику с музыкой, ещё не нашедшей своего слушателя. Эта музыка самая разная! Не только авангард, но и сочинения минималистов и представителей новой простоты. И даже та новейшая музыка, которую сегодня ещё никто никак не обозначил, творчество совсем молодых композиторов – моих ровесников и тех, кто гораздо моложе. В каком-то смысле сегодня «*Altro сого*» – это коллектив, который движется вперёд вместе с развитием самой хоровой музыки. Я часто выезжаю в гастрольные поездки, в рамках конкурсов слышу новые произведения, которые меня интересуют; я узнаю, что за композитор, кто окружает его, кто является его единомышленниками. Таким образом мы расширяем свой репертуар. Вот, к примеру, мы сегодня хорошо знаем современную немецкую музыку, музыку Великобритании. А вот есть такое совершенно уникальное явление, как музыка Прибалтики! Это не только Арво Пярт и современная эстонская культура. Это целый ряд композиторов, которые представляют Латвию и Литву. В этих странах всегда бытовало особое отношение к хоровой культуре. Это очень свежая по звучанию музыка, которая принципиально расширяет наше сознание. Ведь уже сегодня формируется определённый класс слушателей, которые ищут нового звучания. т.е. не только композиторы, но и публика хочет получать нечто отличное от того, что они привыкли слышать у классических хоров. Так что задача быть другими накладывает на нас определённые обязательства.

– Вопрос в рамках опять же традиционного, не скажу правомочного, противопоставления Гнесинской академии и Московской консерватории. В консерватории существует ансамбль «Студия новой музыки», основанный композитором Владимиром Тарнопольским, дирижёром Игорем Дроновым и музыковедом Александром Соколовым. Ансамбль идёт по вашему направлению...

– Это мы пошли вслед за ними.

– А нет желания посотрудничать? Не было таких планов?

– Не просто были, но и есть! У нас богатый опыт сотрудничества. Например, уже в 2011 году с Владимиром Тарнопольским и «Студией новой музыки» мы исполнили «Времена года» Хайнца Холлигера. Была российская премьера этого совершенно уникального сочинения! Вернее, мы исполнили не только «Времена года», но и весь «Скарданелли-цикл» – и часть, которая называется «Времена года», и оркестровые фрагменты. Кроме того, мы исполняли вторую редакцию Четвёртой симфонии Альфреда Шнитке. Дирижировал Игорь Дронов, это тот человек, которого я очень уважаю, с которым давно знаком, чьи идеи, чьи концерты мне чрезвычайно интересны. Так что «Студия новой музыки» – особый, дорогой мне коллектив! Мы друзья, единомышленники, а никак не соперники.

– Считается, что административная и творческая деятельность – две вещи несовместные. Но вы уже разрушили столько стереотипов. Похоже, разрушаете и этот...

– Времени ещё совсем немного прошло. В какой-то мере не вполне оценён масштаб катастрофы (*смеётся*). Вот если я отвечу на этот вопрос столь же оптимистично, как сейчас, лет через пять, когда будет заканчиваться ректорский срок, тогда уже можно будет мои слова брать серьёзно на веру. Пока у меня есть ощущение, что всё это можно сочетать. Наверное, потому, что и в том и в другом виде деятельности – в частности в административном и в дирижёрском – большое место занимает самодисциплина. Если ты хочешь что-нибудь успеть, ты должен уметь организовывать практически всё. Не всегда в административной сфере получается как хотелось бы. Но и на репетиции ты планируешь одно, а, скажем, погода не лётная или состояние здоровья подкачало – и твои представления разбились о реальность. Взять хотя бы историю с нормативами и приказами из Министерства образования. Мне всё это напоминает как раз исполнительское искусство. По большому счёту ведь речь идёт об интерпретации, о том, как нужно представить свою позицию настолько убедительной, чтобы любая взыскательная публика в виде проверяющих организаций тебе не сказала: «А это не соответствует никаким нормам». Или когда дирижёр выходит на сцену, а потом встречает критика, и тот ему: «Батенька, а вы, видимо, совершенно не понимаете, что такое венская классическая школа!» Это то же самое. Вы сначала научитесь читать партитуру. Вы сначала научитесь читать общеобразовательные стандарты. Я ни в коем случае не буду говорить, что нужно отменять буквально всё, что мы, музыканты, – люди творческие и всё такое. Я как раз за порядок, я за то, чтобы была определённая заданная рамка.

А внутри неё мы уже будем свободно решать свои задачи. Главное, чтобы в итоге у нас выходил в свет профессионал своего дела.

Теги: [Александр Рыжинский](#) , [Гнесинка](#) , [Залесская Мария](#) , [интервью](#) , [образование](#) , [культура](#)

Оценить: ★★★★★★★★

Оценка: 5.13 - Голосов: 8

© «Литературная газета», 2007–2020

При полном или частичном использовании материалов «ЛГ»

ссылка на www.lgz.ru обязательна.

Администратор сайта: webmaster@lgz.ru

 3601